

**Солидарная ответственность заказчика и организатора торгов за возврат задатка,
переданного организатору**

**Solidary liability of the customer and the organizer of an auction for the return of the earnest
money given to the organizer**

Борха С.

магистрант 1 курса,

Факультет права,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

РФ, г. Москва

e-mail: sergey@borja.su

Borja S.

1st year master's student,

Faculty of Law,

HSE University,

Russia, Moscow

e-mail: sergey@borja.su

Аннотация.

В статье обосновывается возможность признания солидарного характера ответственности заказчика и организатора торгов за возврат внесённого участником приостановленных торгов задатка. Сопоставляются два аналогичных дела из арбитражной практики, рассмотренных одними и теми же судами, но в которых данный вопрос получил противоположные решения. Автор указывает на неправильность подхода, лишаящего кредитора возможности предъявить требование к организатору торгов, и поддерживает тенденцию, расширяющую сферу применения норм о солидаритете к случаям конкурирующих обязательств, возникающих из разных оснований.

Annotation.

The article justifies the recognition of the solidary liability of the customer and the organizer of an auction for the return of the earnest money given by a participant of the suspended auction. It juxtaposes two opposite legal positions of the same commercial courts wherein the main facts were, however, identical. The author points out the incorrectness of the position that deprives the creditor of the claim against the organizer of an auction and supports the trend that expands the scope of application of the rules on solidarity to cases of concurrent obligations arising from different sources.

Ключевые слова: солидарные обязательства, солидарная ответственность, множественность должников, конкурирующие обязательства, торги.

Key words: solidary obligations, solidary liability, plurality of debtors, concurrent obligations, auction.

Учение о солидарных обязательствах имеет в современной российской цивилистике непростую судьбу. В условиях отсутствия достаточной доктринальной проработки отдельных его аспектов даже поверхностные практические ситуации могут получать неправильное или несправедливое решение на практике.

Наглядным тому подтверждением является вопрос о возможности признания заказчика и организатора торгов солидарными должниками, обязанными перед участником торгов к возврату внесенного им задатка. В 2019 г. арбитражная практика подарила исследователям курьёзный пример того, как одни и те же суды при одинаковых фактических обстоятельствах с разницей в один месяц могут выносить противоположные решения по данному вопросу (дела № А50-35069/2018 [1–4] и № А50-33316/2018 [5–8]).

Кратко рассмотрим фабулу этих дел. Для участия в торгах [9] предприниматели перечислили на счёт их организатора задаток. Впоследствии торги были приостановлены, и их несостоявшиеся участники попытались вернуть уплаченные денежные средства. Не получив от организатора исполнения в добровольном порядке, каждый из них обратился в суд с требованием о солидарном взыскании денежной суммы с заказчика и организатора торгов.

Перед судами возникла проблема, можно ли при данных обстоятельствах признать ответчиков солидарными должниками. При рассмотрении первого иска суды удовлетворили требования только к заказчику, при рассмотрении второго – к обоим ответчикам солидарно. Очевидно, что по крайней мере в одном из случаев суды допустили ошибку, поскольку дела не просто связаны общностью фактов, но и тем, что в них шла речь об одном и тех же торгах с участием одинаковых ответчиков. Думается, что, как говорится в известной русской пословице, первый блин вышел комом, и добиться справедливого исхода удалось лишь второму предпринимателю.

Теперь попытаемся обосновать правильность второго решения с точки зрения действующего российского законодательства.

Как известно, в российском праве солидарность обязательства с участием нескольких должников не предполагается. Для её возникновения необходимо соответствующее волеизъявление сторон договора (стороны односторонней сделки) либо позитивное положение закона (п. 1 ст. 322 ГК РФ [10]).

Тем не менее сфера применения данного правила исходя из его грамматического и системного толкования должна ограничиваться лишь обязательствами с участием нескольких кредиторов и (или) должников и не распространяться на случаи солидаритета нескольких самостоятельных долгов, направленных на удовлетворение одного и того же интереса кредитора. Такие ситуации являются принципиально разными, и, к сожалению, Гражданский кодекс не устанавливает каких-либо общих норм для второго случая.

По верному наблюдению Н.В. Тололаевой, «отсутствие какого бы то ни было способа координации этих обязательств в российском праве создает риск того, что одно из них будет просто признано несуществующим» [11, с. 70]. Собственно, это и произошло в первом деле: суд отказал в удовлетворении требований к организатору торгов, хотя именно на его счёт был зачислен задаток.

В этой связи рассмотрим, что стало препятствием для принятия арбитражным судом противоположного решения.

В рассматриваемых делах Межрегиональное территориальное управление Росимущества в Краснодарском крае и Республике Адыгея для реализации арестованного имущества заключило с ООО «Вымпел» договор поручения.

Согласно п. 1 ст. 971 ГК РФ права и обязанности по сделке, совершенной поверенным, возникают непосредственно у доверителя.

Из этого суды сделали верный вывод, что «поскольку Управление поручило обществу «Вымпел» реализовать имущество, следовательно, ... Управление ... несет ответственность за действия своего поверенного перед третьими лицами[, а п]еречисление денежных средств в качестве задатка обществу «Вымпел» не освобождает Управление от обязанности возврата данной денежной суммы истцу» [3, с. 3].

Вместе с тем, по мнению судов, ООО «Вымпел», будучи поверенным Управления, на основании того же п. 1 ст. 971 ГК РФ и п. 3 ст. 308 ГК РФ (принципа относительности обязательств) не может быть признано лицом, обязанным перед истцом.

Данное умозаключение видится в корне неправильным.

Норма, содержащаяся в п. 1 ст. 971 ГК РФ, говорит лишь о том, что ООО «Вымпел» как поверенный не может быть должником *по соглашению о задатке*, заключенному им от лица Управления с предпринимателем как участником торгов.

В нашем случае основание ответственности организатора торгов совершенно иное – неосновательное обогащение. Соглашение о задатке предусматривало исполнение в пользу ООО «Вымпел» как третьего лица. Это

значит, что с приостановлением торгов у ООО «Вымпел» отпало основание для получения денежных средств и оно стало должником по кондикционному требованию.

Обязательство ООО «Вымпел» перед участником торгов носит самостоятельный характер. Однако как и аналогичное обязательство Управления оно направлено на удовлетворение одного и того же интереса кредитора, в связи с чем данные долги случайным образом становятся конкурирующими. Как только один из должников совершит полное предоставление, кредитор больше не сможет получить платёж от другого должника, поскольку исполнение одного из таких обязательств приводит к отпадению основания другого конкурирующего обязательства.

В некоторых правовых системах подобные обязательства принадлежат к самостоятельному правовому институту, отличному от солидаритета: напр., конкурирующие обязательства (*las obligaciones concurrentes*) в Аргентине [12, р. 867–868], обязательства *in solidum* во Франции (*les obligations in solidum*) [13, с. 455–458] и в Испании (*las obligaciones in solidum*) [14, р. 2–43].

В отечественной доктрине их, как правило, отождествляют с остальными случаями солидарных долгов. Предпосылками для этого выступают отдельные упоминания законом солидарных обязательств, объективно не способных существовать в рамках единого субъектно-сложного правоотношения (напр., солидарные обязательства основного должника и поручителя или страховщика) [15, с. 66], либо аналогичные тенденции, наблюдаемые в судебной практике [11, с. 86–90].

Думается, что подобное расширение сферы применения норм о солидарных обязательствах является скорее полезным для российского права, иначе, как было отмечено ранее, истец попросту может оказаться лишённым возможности в судебном порядке реализовать одно из принадлежащих ему конкурирующих требований к разным должникам. Вместе с тем, применяя нормы ст. 323–325 ГК РФ, может возникнуть необходимость их адаптации в связи с особенностями их правовой природы.

Учитывая вышесказанное, представляется нелогичным пытаться отыскивать в действующем российском законодательстве основание для признания заказчика и организатора торгов солидарными должниками по обязательству вернуть задаток. У них нет общего обязательства, их ответственность имеет собственные основания, а кодекс не знает специальных правил для подобных явлений.

Однако в начале настоящего рассуждения мы отметили, что при рассмотрении иска второго предпринимателя суд всё-таки удовлетворил требования к обоим ответчикам солидарно. В этой связи возникает вопрос, как именно суду удалось обосновать данный вывод.

Арбитражный суд сперва повторил содержание п. 1 ст. 322 ГК РФ. Затем подытожил, что «солидарная ответственность может применяться только в случаях[,] прямо установленных законом или договором, в частности ... при совместном причинении внедоговорного вреда в соответствии с ... [п. 1 ст. 1080 ГК РФ]», откуда сделал вывод, что «[н]а основании вышеизложенного, требование о взыскании суммы задатка подлежит взысканию с ответчиков солидарно» [5, с. 7].

Глядя на подобное умозаключение, вспоминается выражение «отчаянные времена требуют отчаянных мер», ведь до прочтения последнего предложения складывается впечатление, что вывод будет сделан прямо противоположным. Очевидно, что ст. 1080 ГК РФ ограничивается лишь случаями совершения несколькими лицами общего деликта и не распространяется на солидарность нескольких долгов, возникающих из разных оснований. Впрочем, у судьи, стремящегося к справедливому решению, не было лучшего способа его обоснования со ссылками на нормы действующего законодательства. Конечно, можно теоретически представить себе ситуацию, что отечественные суды создадут самостоятельный режим для таких конкурирующих обязательств, как это было сделано в своё время французскими судами на фоне недостатков *Code civil* [16, р. 523],

но это определённо не задача судов первой инстанции. При таких обстоятельствах российским судам приходится обосновывать солидарный характер ответственности заказчика и организатора торгов за возврат задатка, переданного организатору, со ссылками на нормы, гипотезы которых, в общем-то, говорят об ином. По крайней мере судам удаётся справедливо разрешать практические казусы, хоть и не по букве закона.

По нашему мнению, п. 1 ст. 322 ГК РФ, требующий, чтобы солидарная обязанность (ответственность) была предусмотрена сделкой или законом, не является препятствием для признания солидарного характера ответственности нескольких должников, связанных с общим кредитором самостоятельными обязательственными отношениями, поскольку действие данной нормы ограничивается лишь случаями единого обязательства с участием нескольких должников. По этой причине у судов отсутствует необходимость искать основание подобного солидаритета в нормах российского законодательства, а данные попытки *a priori* обречены на неудачу.

Строго говоря, в рассматриваемом случае речь идёт о конкуренции обязательств, направленных на удовлетворение идентичного интереса кредитора, и это не та солидарность, о которой говорится в ст. 322–325 ГК РФ. Тем не менее оба правовых явления имеют близкую правовую природу и схожий правовой режим. Наглядное тому подтверждение можно обнаружить в Гражданском и торговом кодексе Аргентины [17], который, устанавливая дифференцированное регулирование солидарных и конкурирующих обязательств (ст. 827–849 и ст. 850–851), всё же допускает субсидиарное применение к последним норм о солидаритете (ст. 852). Из этого российский правоприменитель может сделать для себя вывод, что наметившаяся в отечественной судебной практике тенденция по расширению сферы применения ст. 323–325 ГК РФ к случаям конкуренции обязательств, направленных на удовлетворение идентичного интереса кредитора, идёт в верном направлении, однако применяться данные нормы должны в порядке аналогии закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ). На сегодняшний день такой подход уже сложился в практике Восьмого арбитражного апелляционного суда, согласно которому «нормы о солидарных обязательствах (статья 323 ГК РФ) подлежат применению в ... ситуациях [солидаритета из разных оснований] в целях исключения неосновательного обогащения, то есть применяются по аналогии (статья 6 ГК РФ)» [18–22]. По нашему мнению, данный подход является предпочтительным, поскольку позволяет учесть возможные различия в регулировании солидарных и конкурирующих обязательств, которые вытекают из особенностей их правовой природы, и избежать поспешных экстраполяций.

Таким образом, несмотря на то, что заказчик и организатор торгов не связаны единым денежным долгом, их ответственность за возврат задатка, переданного кредитором организатору торгов, носит солидарный характер (в широком смысле). Каждый из них является должником в самостоятельном обязательственном правоотношении, которые, будучи направленными на удовлетворение идентичного интереса общего кредитора, являются конкурирующими, а потому при исполнении обязательства одним из должников отпадает основание для получения кредитором предоставления во второй раз. При этом схожесть правовой природы конкурирующих и солидарных обязательств оправдывает применение к обязательствам заказчика и организатора торгов норм о пассивном солидаритете в порядке аналогии закона.

Список используемой литературы:

1. Решение Арбитражного суда Пермского края от 13 февраля 2019 г. по делу № А50-35069/2018.
2. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-3721/2019-АК от 27 мая 2019 г. по делу № А50-35069/2018.
3. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-4879/19 от 20 августа 2019 г. по делу № А50-35069/2018.
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС19-18237 от 14 октября 2019 г. [по делу № А50-35069/2018].
5. Решение Арбитражного суда Пермского края от 18 марта 2019 г. по делу № А50-33316/2018.

6. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда № 17АП-5843/2019-ГК от 26 июня 2019 г. по делу № А50-33316/2018.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-5413/2019 от 9 сентября 2019 г. по делу № А50-33316/2018.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС19-20430 от 11 декабря 2019 г. [по делу № А50-33316/2018].
9. Извещение о проведении торгов № 010417/13819202/03 // Официальный сайт Российской Федерации для размещения информации о проведении торгов. URL: <http://torgi.gov.ru> (дата обращения: 25 мая 2021 г.).
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 9 марта 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
11. Тололаева Н.В. Солидарная множественность должников, не предусмотренная договором или законом // Договоры и обязательства: сборник работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права им. С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / сост. и отв. ред. А.В. Егоров. Т. 3. Москва: Ассоциация выпускников РШЧП, 2019. С. 67–92.
12. Obligaciones / N.O. Silvestre et al. 2ª ed. Buenos Aires: La Ley, 2016. LI, 897 ps.
13. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. Москва: Юридическое издательство Министерства Юстиции СССР, 1948. 511 с.
14. Gómez Ligüerre C. Solidaridad impropia y seguro de Responsabilidad Civil. Madrid: Fundación MAPFRE, 2010. 1ª ed. 178 ps.
15. Павлов А.А. К вопросу о сущности солидарных обязательств // Очерки по торговому праву: сборник научных трудов / под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2010. Вып. 17. С. 65–75.
16. Porchy-Simon S. Droit civil 2e année. Les obligations. 9e éd. Paris: Dalloz, 2016. XII, 666 p.
17. Código Civil y Comercial de la Nación (aprobado por Ley № 26.994, promulgado por Decreto № 1795/2014) // Boletín Oficial de la República Argentina. 2014. № 32.985.
18. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 24 апреля 2019 г. № 08АП-165/2019, 08АП-452/2019 по делу № А70-346/2015.
19. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 11 декабря 2019 г. № 08АП-13335/2019, 08АП-13336/2019 по делу № А46-20210/2018.
20. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 26 декабря 2019 г. № 08АП-14789/2019, 08АП-15413/2019, 08АП-15415/2019 по делу № А75-1917/2014.
21. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 10 февраля 2020 г. № 08АП-16586/2019 по делу № А70-15311/2016.
22. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18 марта 2021 г. № 08АП-582/2021 по делу № А81-2738/2012.